

ГЛАВА VI.

Доктор Лите замолчал, а я продолжал сохранять молчание, пытаюсь составить какое-то общее представление об изменениях в устройстве общества, которые подразумевала описанная им грандиозная революция.

Наконец я сказал: "Идея такого расширения функций правительства, мягко говоря, довольно ошеломляющая".

"Расширение!" он повторил: "Где находится это расширение?"

"В мое время, - ответил я, - считалось, что надлежащие функции правительства, строго говоря, ограничивались поддержанием мира и защитой людей от общественного врага, то есть военными и полицейскими полномочиями".

"И, во имя всего святого, кто такие враги общества?" воскликнул доктор Лите. "Это Франция, Англия, Германия или голод, холод и нагота? В ваше время правительства имели обыкновение, по малейшему международному недоразумению, захватывать тела граждан и предавать их сотнями тысяч на смерть и увечья, растрачивая при этом свои сокровища, как воду; и все это часто не приносило жертвам никакой ощутимой выгоды.

Сейчас у нас нет войн, а у наших правительств нет военных полномочий, но для того, чтобы защитить каждого гражданина от голода, холода и наготы и обеспечить все его физические и умственные потребности, предполагается функция управления его физическим трудом в течение нескольких лет. Нет, мистер Уэст, я уверен, что, поразмыслив, вы поймете, что именно в вашу эпоху, а не в нашу, расширение функций правительств было экстраординарным. Даже ради самых благих целей люди теперь не позволили бы своим правительствам такие полномочия, которые тогда использовались для самых пагубных целей".

"Оставляя сравнения в стороне, - сказал я, - демагогия и коррумпированность наших государственных деятелей в мое время считались бы непреодолимыми возражениями против любого принятия правительством ответственности за национальную промышленность. Нам следовало бы подумать, что нет ничего хуже, чем доверить политикам контроль над механизмом производства богатства в стране. Его материальные интересы и так слишком сильно зависели от партийного футбола (спортивного интереса)".

"Без сомнения, вы правы, - возразил доктор Лите, - но теперь все изменилось. У нас нет ни партий, ни политиков, а что касается демагогии и коррупции, то это слова, имеющие только историческое значение".

"Должно быть, сама человеческая природа очень сильно изменилась", - сказал я.

"Вовсе нет, - был ответ доктора Лите, - но условия человеческой жизни изменились, а вместе с ними и мотивы человеческих действий. Организация общества у вас была такова, что чиновники находились под постоянным искушением злоупотреблять своей властью ради личной выгоды для себя или других.

При таких обстоятельствах кажется почти странным, что вы осмелились доверить им какие-либо свои дела. В настоящее время, напротив, общество устроено так, что нет абсолютно никакого способа, которым чиновник, каким бы недоброжелательным он ни был, мог бы извлечь какую-либо выгоду для себя или кого-либо другого путем злоупотребления своей властью.

Пусть он будет таким плохим чиновником, каким вам заблагорассудится, он не может быть коррумпированным. Для этого нет никакого мотива. Социальная система больше не предлагает премию за нечестность. Но это вопросы, которые вы сможете понять только тогда, когда со временем узнаете нас лучше".

"Но вы еще не рассказали мне, как вы решили проблему рабочих. Это проблема капитала, которую мы обсуждали", - сказал я. "После того, как нация взяла на себя управление заводами, машинами, железными дорогами, фермами, шахтами и капиталом страны в целом, вопрос рабочих все еще оставался. Принимая на себя ответственность капитала, нация приняла на себя трудности положения капиталиста".

"В тот момент, когда нация взяла на себя ответственность капитала, эти трудности исчезли", - ответил доктор Лите. "Национальная организация труда под единым руководством была полным решением того, что в ваше время и при вашей системе справедливо считалось неразрешимой проблемой труда. Когда нация стала единственным работодателем, все граждане, в силу своего гражданства, стали наемными работниками, которые должны были распределяться в соответствии с потребностями промышленности".

"То есть, - предположил я, - вы просто применили принцип всеобщей воинской повинности, как он понимался в наши дни, к вопросу рабочих".

"Да, - сказал доктор Лите, - это было нечто само собой разумеющееся, как только нация стала единственным капиталистом. Люди уже привыкли к идее, что обязанность каждого гражданина, не являющегося физическим инвалидом, вносить свой вклад в защиту нации является равной и абсолютной. То, что каждый гражданин в равной степени обязан вносить свою долю промышленных или интеллектуальных услуг на содержание нации, было столь же очевидно, хотя граждане смогли оказывать такого рода услуги с какой-либо претензией на универсальность или равенство только после того, как нация стала работодателем рабочей силы.

Никакая организация труда была невозможна, когда нанимающая сила была разделена между сотнями или тысячами отдельных лиц и корпораций, между которыми соглашение любого рода не было ни желательным, ни действительно осуществимым. Тогда постоянно случалось, что огромное количество людей, желавших трудиться, не могли найти возможности, а с другой стороны, те, кто хотел уклониться от части или всего своего долга, могли легко это сделать".

"Служба, я полагаю, теперь обязательна для всех", - предположил я.

"Это скорее само собой разумеющееся, чем принуждение", - ответил доктор Лите. "Это считается настолько абсолютно естественным и разумным, что идея о том, что это обязательно, перестала быть мыслью. Его сочли бы невероятно презренным человеком, который в таком случае нуждался бы в принуждении. Тем не менее, говорить о том, что служба обязательна, было бы слабым способом заявить о ее абсолютной неизбежности.

Весь наш социальный порядок настолько полностью основан на нем и выводится из него, что если бы было мыслимо, что человек мог бы избежать его, у него не осталось бы никакого возможного способа обеспечить свое существование. Он бы исключил себя из мира, отрезал себя от себе подобных, одним словом, покончил бы с собой".

"Является ли срок службы в этой промышленной армии пожизненным?"

"О, нет; это и начинается позже, и заканчивается раньше, чем средний рабочий период в ваш день. Ваши мастерские были заполнены детьми и стариками, но мы считаем период юности

священным для образования, а период зрелости, когда физические силы начинают ослабевать, столь же священным для легкости и приятного расслабления. Срок производственной службы составляет двадцать четыре года, начиная с окончания курса обучения в двадцать один год и заканчивая в сорок пять.

После сорока пяти лет, будучи уволенным с работы, гражданин все еще подлежит специальным вызовам в случае чрезвычайных ситуаций, вызывающих внезапное значительное увеличение спроса на рабочую силу, пока он не достигнет возраста пятидесяти пяти лет, но такие вызовы редко, фактически почти никогда, не делаются.

Пятнадцатый день октября каждого года - это то, что мы называем Днем призыва, потому что те, кто достиг возраста двадцати одного года, затем принимаются на промышленную службу, и в то же время те, кто после двадцати четырех лет службы достиг возраста сорока пяти, являются достойно собранный. Для нас это великий день в году, с которого мы отсчитываем все остальные события, кроме нашей Олимпиады, так как она ежегодная".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2688933>